

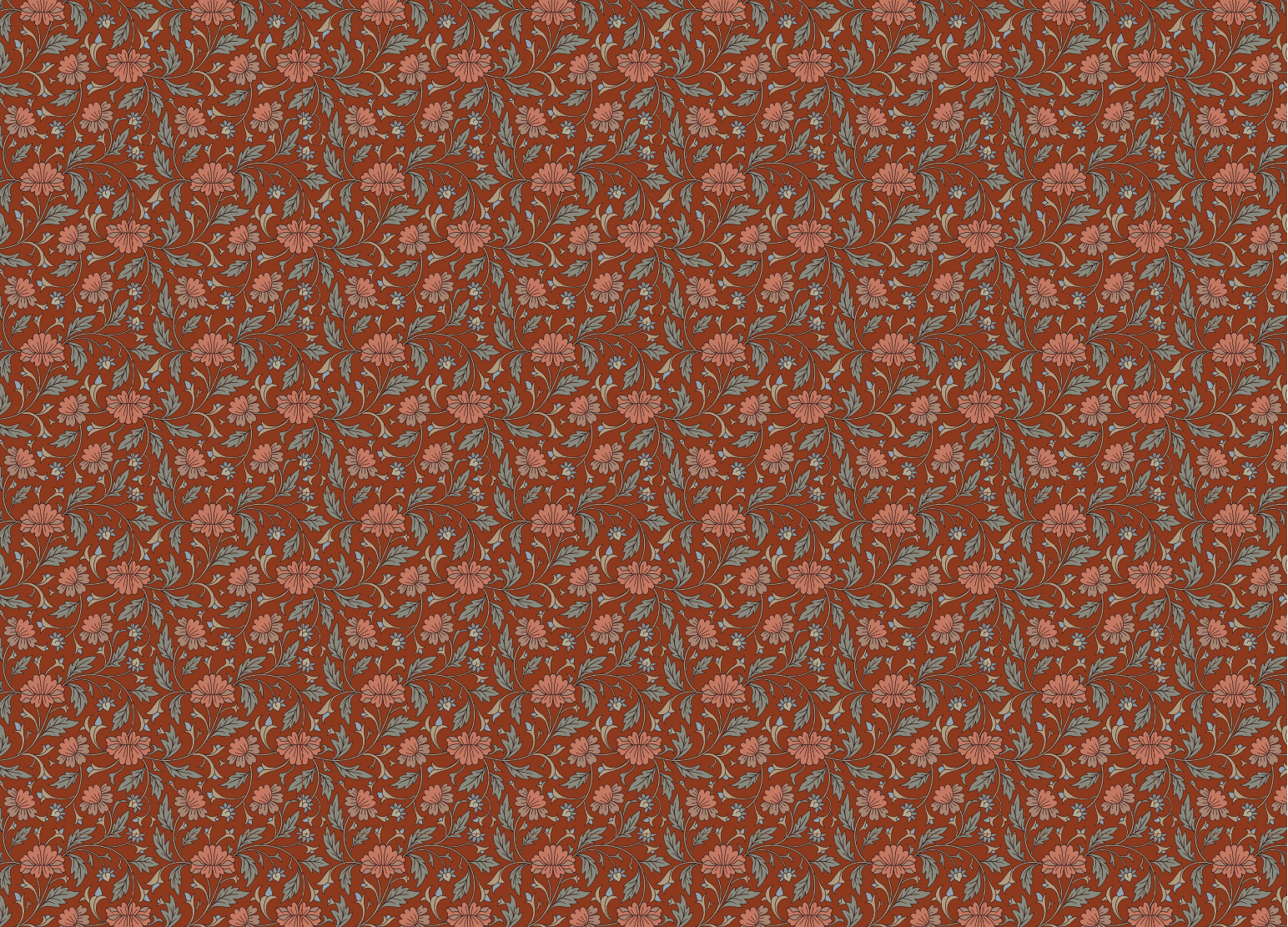
Служки Серафимовы

В. А. Сидорова

Аннушка

Крестный путь дивеевской блаженной
Анны Васильевны Бобковой

Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р22-217-0360

В. А. Сидорова

Аннушка

Крестный путь дивеевской блаженной
Анны Васильевны Бобковой

Сидорова В. А. Аннушка. Крестный путь дивеевской
блаженной Анны Васильевны Бобковой. – Дивеево:
Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский мона-
стырь, 2022. – 378 с.

В книге, основанной на воспоминаниях, рассказывается о жизни блаженной старицы Анны Васильевны Бобковой – преемницы прославленных в лике святых дивеевских блаженных. Свой подвиг юродства Христа ради она несла в годы советской власти рядом с разорённым Серафимо-Дивеевским монастырём, в нижегородском селе Дивеево и его окрестностях. Автор книги даёт историческую панораму того времени, представляет людей, жизнь которых была связана с блаженной Анной.

Свято-Троицкий
Серафимо-Дивеевский женский монастырь
2022

ISBN 978-5-93528-055-0

© Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский
женский монастырь, 2022 г.

Предисловие

Это повествование совсем не о том, что проходит перед глазами современного человека. Оно о высоком аскетическом подвиге, о силе, в которой всегда нуждается Церковь. Наш рассказ об Анне Васильевне Бобковой – Аннушке, преемнице прославленных в лике святых дивеевских блаженных. Подвиг странничества и юродства Аннушки длился сорок пять лет. Он целиком пришёл на время безбожия. В её жизни всё без утайки: страдание, боль, нищета и богатство – богатство духа Дивеевской земли, опекаемой преподобным Серафимом.

Свидетели её подвига – пастыри и миряне, монахини разорённой обители, кому не забыть блаженную, русская наша деревня, что не давала погибнуть слабому. Большая часть воспоминаний об Аннушке собрана в Сарове, Дивееве и окрестных сёлах. Авторучка, блокнот, диктофон... Наши записи о блаженной пополнялись больше тринадцати лет. И нет в них вымысла: каждый, даже незначительный, случай записан со слов очевидца. Люди разного возраста, разные населённые пункты. Письма, встречи, поездки, телефонные звонки. О детских годах, юности и замужестве блаженной нам поведали её родственники – племянники, внуки. Их рассказ дополнили местные старожилы: многие слышали об Аннушке от своих матерей, её ровесниц, сами общались с ней. Есть среди них и те, кто пускал блаженную на ночлег, делился нехитрой пищей – благодаря таким людям она смогла выжить. О встрече с саровским старцем Анатолием (а она переменяла всю жизнь Аннушки) блаженная поделилась с близкими ей людьми. Мы записали это свидетельство со слов Натальи Еруновой и Валентины Хохиной – каждая слышала его из уст блаженной. Понимая важность события, рассказ Аннушки они запомнили и спустя годы передали независимо друг от друга почти слово в слово. По сути, словно сама блаженная поведала нам о встрече со старцем. В селе Круглые Паны мы услышали рассказ о благословении, данном Аннушке её предшественницей – дивеевской блаженной Марией (Фединой): три жительницы села были очевидцами встречи этих подвижниц.

Известное дело, колесо времени замедляет бег, когда происходит важное... В нашу копилку попали семейные предания – они

Дивеевская блаженная Анна Васильевна Бобкова
(1896–1984 гг.)

Здесь было село Силёво – родина Анны Васильевны Бобковой. 2020 г.

перешли от одного поколения к другому. В них фрагменты историй становления местных сёл, строительства дивеевского собора, паломничества на Святую Землю. Человеческая память избирательна, именно это сохранила она. С большой благодарностью принимались рассказы священнослужителей, знавших Аннушку. В них яркий оттиск незабываемых встреч, канва впечатлений – воспоминания о дивеевских монахинях после разгона обитатели.

Время не внесло перемен: подвиг блаженной – явление ценное, непреходящее. Тем, кто стремился к ней, ни сотни, ни тысячи километров помехой не были. Воспоминания очевидцев выводили нас на пыльные деревенские тропки, старые автостанции, в кельи монахинь. Память об Аннушке – добрые морщины прошлого, а они бывают и от улыбок. Не все свидетели решились открыть свои имена. Есть в тексте имена без фамилий, есть даже вымышленные имена (если такое условие ставили рассказчики) – да простит нас читатель. Но все описываемые события – подлинные, и передать прямую речь блаженной мы старались так, как озвучивали знавшие её.

Много дорог пройдено нашей Церковью: малые и большие. Простые деревенские тропки Аннушки из их числа. Они и сегодня приведут к храму – не зарастут, не зарубцуются. Это дороги Церкви на земле разрушенных храмов. На них смогли встретиться мученичество и чудо.

Дорога в село, которого нет

*Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.*
А. С. Пушкин.

Анна Васильевна Бобкова родилась в 1896 году в селе Силёве Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Село располагалось в десяти километрах от Дивеева и в двадцати от Саровской пустыни. Устроено было в укромном месте, от проезжего пути – рукой подать. А теперь мы не найдём его на карте. Зарастает грунтовая дорога в село, которого нет. Бескрайний луг. Васильки и ромашки. Лёгкий запах цветущих трав. Хлеб не сеют, но и горожанин поймёт: здесь были пахотные земли. Поле. Земля впитывает солнце. Земля – питательница, наставница, мать. Как откликнулась она на труд людей! Небо куполом, яркое, чистое. Бескрайнее – таким его не увидишь в городе. Оно – как икона Творца – большой притягательной силы. Приковывает, зовёт. В полёте птиц и в размашистых молниях – во всём широта и свобода.

Раздолье. Царственная простота. Вот невесомый порыв ветра – как свежий выдох с небес. Всё всколыхнулось. Лёгкой волной приглажен луг. Смотришь – не наглядисься. Откинута житейское покрывало. Ничего острого, волнующего. Душа утишается. Во всём красота. Простор. Освобождение. Как ищут люди покоя! А он остался здесь. Тишина редкостная. В ней тайна прошлого. Тут на заре выгоняли стадо. Мелькали льняные головки местной детворы, пустившейся стайкой за хвостом или дягилями – здесь всё для людей, каждый стебель. В старину знали: этот – съедобный, тот – лечебный. Вот медоносы. Близо растут – да разные. Корешок – в горшок, стволена – свистулька. Иной, гляди, куда не годится, ан нет: этот на малый веник, шесток местий, а тот, побольше, – избу. Каждому своё место, все в согласии. Никто не спорит, ни с кем не бранится, никого не боится. Все жаждут спокойствия, а оно приходит к нам изнутри.

Оставленные человеком поля и сейчас наполнены жизнью. Осмотрись, прислушайся. Полевые птицы суетятся и на дорогу выйдут. Не боятся – любопытствуют. Справа, на расстоянии,

Луга на месте села Силёва. 2020 г.

вдоль высохшего русла впечатляюще встают вершины – высокие холмы с крутыми склонами, редкость для нашей местности. Они дают разветвления, тянутся грядой, ограждают. Считается, что высоких вершин девять. У них свои имена: Крутой, Кочкарь, Яблошна, Курган... В былые времена на плечах оврагов били родники – шестнадцать подземных ключей!¹ Здесь, в месте уютном и обеспеченном водой, было выстроено село. У родника при вершине Ключевой – часовня, служили молебны. У дороги была ветряная мельница. Речка Силёвка и пруды теперь пересохли. В буйных зарослях угадываются заброшенные сады. От построек не осталось и следа. Лишь кладбище взывает о памяти: уцелели металлические надгробья. Люди ушли – прошлое осталось.

Один силёвец сказал так: «Уедешь, забудешь всё, а придёт время – и однажды, после трудного дня, увидишь во сне дорогу в родное село. И вспомнишь запах свежего сена, дыма костра на берегу, что-то доброе, настоящее. Увидишь кольцо для люльки под потолком и самого близкого человека – мать. И даже во сне подступят слёзы. Птичий гомон позовёт в детство, разбудит.

¹ Карлушов В. И. Елизарьевские страницы. – Арзамас: АГПИ, 2004. С. 134.

Оставленные человеком поля и сейчас наполнены жизнью. 2020 г.

Вернёшься мыслями в своё малолетство, где самодельные куклы, тряпичный мяч и дворяжка, что не знала ни поводка, ни цепи. Вспомнишь, как на заре ловили рыбу. Каждый – свидетель, как алеет восток, держа за пазухой солнце. Начало жизни всегда значительно. Воротишься в шальную юность – а там ходили в ночное и мчались зимой в саних по слепающему снегу. А если по-цыгански плясала вьюга, слили гонца на льжах в другое село с горькой ли, с доброй вестью. Заметит пути-дороги, а указатель видать издалёка: на выезде – вяз, у полевой дороги на Дивеево – вяз, к селу Елизарьеву – тоже вяз. Вяз, чтоб никто не увяз...»

Прильнёт к плечу детство, обдаст полевой свежестью. До слёз захочешь вернуться сюда, во чисто поле, где начинаются все дороги. Потянет душой на родину. Призовёт туда, где высокое небо, светлый луг и стрекочет кузнечик. Сторона родная, любимая. Без неё не отыщешь себя. Прошрое и настоящее – два ведра на коромысле.

История села Силёва, где родилась Анна Бобкова, довольно обычная для многих поселений на восточном рубеже Московского государства. Она погружается в середину XVI века, ко времени появления в Поволжье русских поселенцев, и связана с походами на Казань Ивана Грозного, когда закладывалась Арзамасская крепость. Арзамас – столица южной Нижегородчины. Держава укрепляла свои границы «живым щитом» – сёлами и деревнями. В XX веке эта местность ещё раз станет «щитом» государства, на сей раз ядерным: в нескольких километрах от границы, обозначенной во времена царя Ивана Грозного, на месте Саровского монастыря будут решены задачи ядерной безопасности страны.

По сути, местные земли пустынно не были. Их освоение начиналось с глубокой древности – это показали археологические раскопки в Ардатовском районе. Берега рек всегда притягивали кочевые племена, то финно-угорские, то болгарские. Уездный центр Ардатов (в 1779 году по приказу Екатерины II получил статус города, а в 1925 году утратил его) был свидетелем: здесь проходил князь Святослав на усмирение Волжской Булгарии, шли на Русь татаро-монгольские полчища в 1237 году.² Купеческие лавки, дворянские усадьбы, крестьянские избы. Дороги военные, дороги торговые. Скрип колёс и далёкий звон колокольчиков...

² Базавев А. Знаменский собор в истории Ардатова. – Саров: СГТ, 2009. С. 13.

Арзамасская крепость. Настасьинские ворота в XVI веке.
Художник С. А. Сорокин

Житель Арзамаса и сегодня покажет вам, каким путём шли войска царя Ивана Грозного. Он обозначен просто: там, где разбивали царские шатры, по велению государя строили храм. За ратные подвиги бояре и другие служилые люди получали земли, часто незаселённые. Жителей привозили в основном из центральных и северных губерний, иногда целыми сёлами. Селились государевы люди, посадские, стрельцы, пушкари, ремесленники. В Арзамас и его окрестности была внесена культура, обычаи, промыслы новгородцев и псковичей, владимирцев и москвичей. Следствием этого в каждом селе были свои ремёсла, свой отличительный выговор: тут – цокали, там – нажимали на букву «ч». Здесь колокол «звóнит», а там «звонít». В одном селе детям рассказывали сказку «про куроцку Рябу», в другом никогда не путали безударные «о» и «а». Только в XX веке радио и телевидение смягчили языковые особенности. Арзамасский краевед и

Переселенцы из центральных регионов Российской империи в малозаселённые окраинные районы на свободные земли

градоначальник Николай Михайлович Шегольков был убеждён, что основную часть переселенцев этот край принял из Великого Новгорода, опустошённого в 1580 году за мнимую его измену. А известный фотограф XIX века М. П. Дмитриев отмечал, что именно в сёлах под Арзамасом он встретил «классический тип великорусского человека».

Доверимся преданьям – увидим судьбы переселенцев и в названии сёл. По выезде из Арзамаса – Выездная казачья слобода (село Выездное), в ней жили казаки. По соседству с ними поселились пушкари – село Пушкарка. В десяти километрах от Арзамаса – село Каменка, в самом наименовании подсказка: твёрдый характер новосёлов, зажиточные хозяйства. Земля не плодородная – занялись скотоводством, и удачно. А недалече от Каменки другое село. В нём долго не мирились с переездом, проливали слёзы. Это поселение прозвали Слезавка.

Да, высылке в эти «дремучие края» подлежали и провинившиеся. Вот пример – цепко пронесённая из поколения в поколение история одного крестьянского рода. Они приехали сюда из Прибалтики. Семья вошла в немилость: юную дочь сосватали против воли, а она сбежала из дому, не послушала ни барина, ни родителей. Дочку нашли, вернули. Семью выслали. Место дали

никудышное – холмистое, поросшее лесом. Ну-ка, езжай, вывози свой скарб! Как же молились в этом горестном положении... Избы ставили на одном склоне да на другом. А назвали-то как деревню: Растопыровка! Были тут все проштрафившиеся. Рядом жила семья – так их выслали за то, что они нарушали пост. В среду и пятницу молочко попивали, как домашние кошечки. Их и прозвали: Кошечкины... Большая беда одна на всех: земля безводная. Долго искали воду, молились и наконец нашли. Забил источник! Откликнулся на молитвы страждущих. Как-то утром в одной семье послали за водой отрока, а он вернулся потрясённый: икона в источнике! Пошли с молитвой – обрели образ Божией Матери Владимирской. Радости конца нет. С любовью срубили часовню. Со временем выстроили храм. И деревня росла, теперь уже не Растопыровка, а Владимировка.

Близки раскольнические скиты, чинят преграду иноверцы, но устои жизни крепки. Восточный форпост держал не только границу государства – он был на страже православия. Арзамас всегда славился любовью к храмам и монастырям, щедрой купеческой благотворительностью, духовными подвижниками. Этот город и ближайшие к нему сёла известны тем, что не изменили царю и Отечеству в трудные и опасные годы. Так было в смутное время Лжедмитрия II. По свидетельству летописца, в 1612 году, когда на Руси не было ни царя, ни патриарха, а разграбленная Москва находилась в руках поляков, «на призыв Минина идти к Москве, чтобы спасти Отечество и веру, первые явились дети боярские из Арзамаса».³

О самом городе Арзамасе нужно сказать особо. Раньше говорили: икону пожертвовали – в Арзамасе такая, холсты продали – цена, как в Арзамасе, сапоги пошили – у арзамасского купца этакие. Авторитет и лидерство Арзамаса были бесспорны не только для окружающих сёл. Планка города была высока. Уездный Арзамас приобрёл значимость со времён Петра Великого. Он стал городом, известным в разных концах Московского государства. Арзамас мог соперничать со старинными русскими городами, имевшими белокаменные кремли с древними соборами, именитыми монастырями. Он выделялся своей самобытностью – об этом писал местный летописец в XIX веке. А в административном отношении Арзамас служил резиденцией

³ Шегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас: тип. Доброхотина, 1911. С. 27.

воевод. Авторитет города выражен в поговорке: «Арзамас городок – Москвы уголок». Город притягивал красотой храмов. Считается, что в XVIII–XIX веках здесь возводились церкви столбчатого образца. В XIX веке в Арзамасе насчитывалось четыре монастыря и около сорока храмов. На Соборной площади величавое украшение – Воскресенский собор, детище известного российского архитектора Михаила Петровича Коринфского, и он – уроженец города. Строительство и украшение храмов было делом рук купечества, да и всех горожан. Такой штрих: две бедные старушки пожертвовали дорогое Евангелие. Они пекли блинчики величиной с серебряный рубль. На базаре раздавали их нищим, а те постоянно толпились рядом. Пришедшие на базар подавали старушкам «по копейке» об упокоении ближних, а они трудились в поте лица, так и на Евангелие насобирали.

Не обошли стороной местную округу мятежные повстанцы Стеньки Разина (1670–1671 гг.) и Емельяна Пугачёва (1773–1775 гг.). Арзамас и его окрестности были в центре подавления кровопролитных смут. Справные купеческие особняки помнят, как осенью 1774 года по улицам Арзамаса везли в Москву железную клетку со скованным цепями Емельяном Пугачёвым.

В 1776 году Арзамас посетила императрица Екатерина II, она пустилась в большое путешествие, чтоб обозреть своё царство. Графу Н. И. Панину государыня писала из Муром: «От Алатыря до Арзамаса и от сего места до муромских лесов земли час от часу хуже, селения чаще, и ни пяди земли нет, коя бы была не разработана, и нигде голоду нет». Арзамасцы собрались на встречу с императрицей, вышли и расположились на симбирской дороге, но царский поезд задерживался. Смеркалось. Многие улеглись и заснули богатырским сном. Среди глубокой ночи Екатерина II прибыла в Арзамас и, видя спящих на дороге, произнесла: «Сон-город! Сон-город!» Впрочем, на следующий день она осталась весьма довольна Арзамасом.⁴

Интересный добавок к рассказу летописца услышали мы от местной жительницы Екатерины Ивановны Жеданиной – окрестные сёла тоже участвовали во встрече императрицы в Арзамасе. Более того, крестьяне деревни Вертьяново⁵ направили к ней свою делегацию и добились аудиенции! Делегация принесла

⁴ Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас: тип. Добротина, 1911. С. 96.
⁵ Вертьяново – деревня, с 1965 года вошедшая в состав села Дивеево.

Вид города Арзамаса. 1826 г. Художник А. В. Ступин

жалобу на местных мусульман, которые «кидали комя земли в православных, когда они шли на праздник в храм». Вопрос был решён по-царски, быстро и кардинально: иноверцев из Вертьянова выселили.

Чего только не видали арзамасцы! Если хочется сказать, «а слона-то они и не видали», не спешите. А вот и нет. В середине XIX века слона лицезрели все жители Арзамаса, он сам посетил этот славный город пешим ходом (как же иначе?) из жарких стран. Желаящих покормить его пряниками было пруд пруди. Даже самый ленивый потрудились дойти до постоялого двора и поглядеть на это чудо. Через сутки слон отбыл далее – его путь лежал в Санкт-Петербург.

XIX век вместил в себя расцвет Арзамаса – золотой, а затем серебряный век купеческого города, стоящего в соединении важных дорог. Большой московский почтовый тракт, дороги на Оренбург и Уральск, Пензу и Саратов, Тамбов и Шацк, самые известные ярмарки. Ехали пышные московские бары, донские казаки, персы, бухарцы, армяне... Из арзамасских краёв везли меха, юфть, местные орехи, что шли на лучшее постное масло, холсты и продукцию ремёсел поставляли и местные сёла. После

Арзамас. Вид с северной стороны на Соборную площадь. Начало XX в.

Отечественной войны 1812 года в Арзамасе было немало пленных французов. Жилось им неплохо: кто занимался живописью, расписывал палаты купцов, кто пошёл в гувернёры.

Богатые купеческие семьи роднились с московскими купцами и дворянами, открывали торговый путь в Западную Европу. Не зная языка, могли успешно торговать в Германии, Австрии, участвовать во всемирной выставке в Лондоне. До прохожих доносились звуки рояля из зажиточных особняков, а посмотреть иллюминацию на свадьбе богатого купца приезжали за сотни вёрст ещё в середине XIX века. В походном саквояже арзамасского купца лежала чёрная икра. Это было оправдано: сей продукт не замерзал на морозе. А доставляли паюсную икру даже не в бочках, а в поlogах – так возили рожь и овёс. В купцы выбивались и крестьяне. Не было в округе села, где бы не занимались торговлей, и Силёво – не исключение. В Ивановском, например, крестьяне провожали своего купца всем селом до дороги и на околице служили молебен: путь-то не безопасный. Рамки школьных учебников не вместят всех особенностей того времени. Богатейшие Шиповы из села Выездная слобода были крепостными господ Салтыковых и... сами имели несколько семей крепостных, законом это не возбранялось. Другой парадокс:

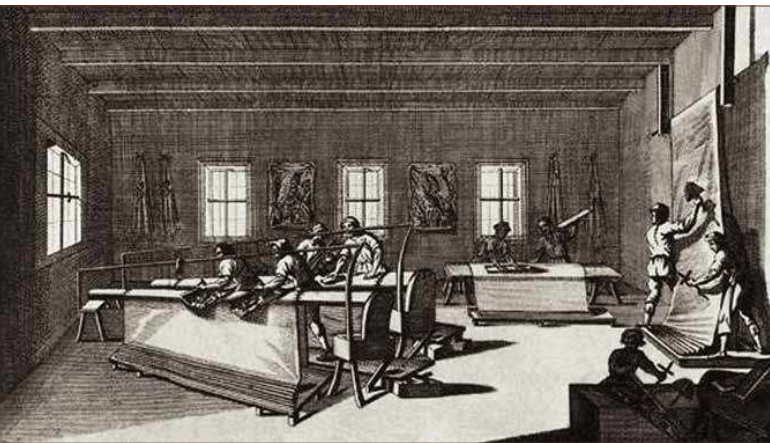

Арзамас. Новomosковская улица. Начало XX в.

арзамасский купец Жевакин, родившийся крепостным в Выездном, умер владельцем значительной части этого села.

Строить и украшать храмы считалось делом почётным, авторитетным. Местное благочестие не выставлялось напоказ. Семейства, которые не садились за стол без вкушения просфоры, не были исключением. Известны в Арзамасе и такие семьи, где ежедневно просфору приносили из храма – хотя бы один человек, да молился на литургии. Мы слышали это из уст самих арзамасцев. Местные пахотные земли не славились плодородием, но духовная нива была богата и тучна. Взгляд в прошлое – взгляд внутрь. Арзамас и все окрестные сёла не понаслышке знали преподобного Серафима. Близость к Сарову открывала путь к общению. Не было коренной арзамасской семьи, где не хранили бы воспоминания о его назидательных беседах. В каждом местном селе изведали помощь святого саровского старца.

В XX веке некоторое время город Арзамас был областным центром. После массового закрытия церквей арзамасский приход взял под свой кров верующих жителей окрестных сёл. И долгие десятилетия, до 90-х годов, арзамасские храмы вмещали (а точнее сказать, просто не вмещали) тысячи своих прихожан. Забегая вперёд, скажем, молилась здесь и блаженная Анна. От

Суконная фабрика XVIII века. Старинная гравюра.

Храмы села Силёва. XX в.

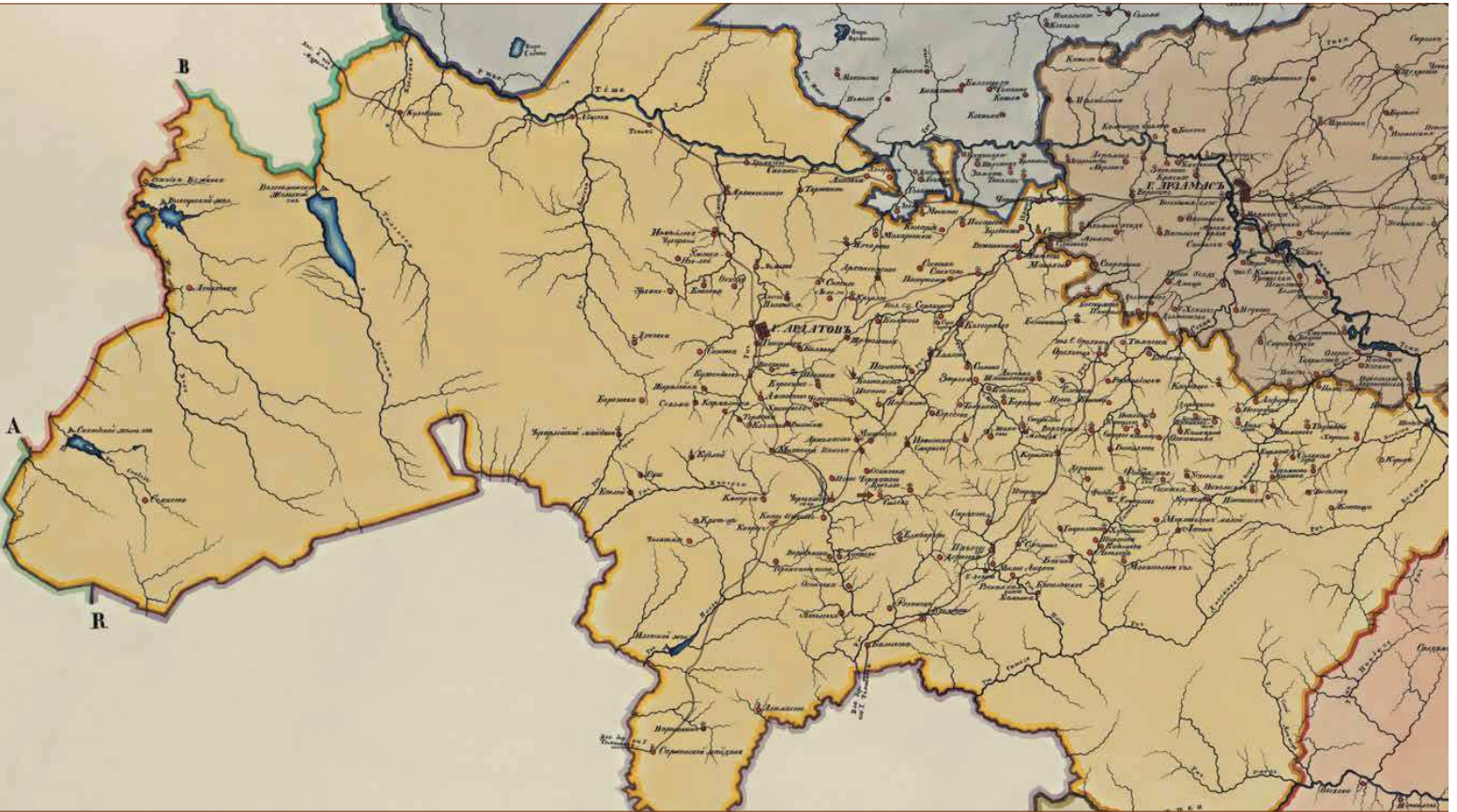
Дивеева до Арзамаса, от Дивеева до Сарова – все сёла ей были знакомы, все дороги пройдены. Не прошагала – выстрадала, не миновала – вынесла.

А каким было Силёво, родина Анны, в шестидесяти километрах от Арзамаса? Село великим не было. Пять небольших улиц составляли его: Вышвыровка, Графская, Пантелеевка, Страновская и Политовка. Улицы и вершины, пруды и родники – все имели свои имена, ставшие зарубками былых времён. Прошлое Силёва – наша история через лупу. По сведениям местного краеведа⁶, впервые Силёво упоминается в переписных книгах XVII века. В 1646 году здесь значилось тридцать крестьянских дворов, владельцы – помещики Кологривовы. Имелся в селе и дом вотчинника – скорее всего, Силёво было вотчиной, родовым наследственным владением. Во второй половине XVII века село стало собственностью князя Дмитрия Евсеевича Цицианова. В это время в описании упоминается деревянная церковь и суконная фабрика. В конце XVIII века княжеские владения стали собственностью графини Степаниды Андреевны Толстой. После кончины графини Толстой Силёво перешло по наследству её дочери Аграфене Фёдоровне, супруге графа Арсения Андреевича Закревского, министра внутренних дел, генерал-губернатора Москвы. В 1885 году Силёво насчитывало 350 жителей. В небольшом селе стояли две церкви: летняя и зимняя. В начале XX века в Силёве была открыта церковно-приходская школа. Известно, что в 1916 году там обучалось сорок пять детей. Население Силёва росло.

В тридцатые годы церкви закрылись, они стали медленно разрушаться временем. В пятидесятых годах погибли в пожаре. К этому времени в храмах были устроены зернохранилища. На праздники собирались помолиться в одной просторной избе. В укрупнённом колхозе трудились взрослые силёвцы, дети ходили в школу, и стенные ходики отсчитывали: «Тик-так, тик-так». Но что-то главное было нарушено, порвано. Время упрямо твердило: «Не так, не так...» Закрылась начальная школа. Повесили замок на магазине. За хлебом ходили в соседнее село Череватово. Неперспективное село Силёво стало таять и в 1973 году перестало существовать – «самоликвидировалось». Нет храма – нет и села. Осталась «любовь к родному пепелищу», щемящая грусть по родине, которую ничто никогда не заменит.

⁶ Карпушов В. И. Елизарьевские страницы. – Арзамас: АГПИ, 2004. С. 130.

Село Силёво на карте Нижегородской губернии 1800 г.

«Золотая моя мамочка, серебряный отец...»

Ушло в прошлое Силёво. Разъехались последние жители по городам и весям. Увезли свою боль. А боль словами не лечится. Остались воспоминания, есть и документы. Одна из страниц метрической книги церковного прихода села Силёва за 1895 год свидетельствует о венчании родителей Анны Бобковой: «Села Силёва крестьянин Василий Тимофеев Бобков, православный, первым браком, 21 год... Крестьянская дочь Акилина Васильева Гагарникова, православная, первый брак, 21 год». Подпись священника Александра Назаренкова. Поручителями новобрачных были Пётр Егоров и Иван Егоров Синицыны, Степан Васильев Горшков.

Бобковы породнились с Гагарниковыми. Известно, что крестьяне обзаводились фамилиями позже других сословий, чаще во второй половине XIX века. Годились тут и уличные прозвания, и отчества, и ремёсла – всё шло в обиход. Бобковы – фамилия местная. Такая подходила человеку твёрдому, выносливому: бобы – плоды небольшие, а крепкие. А ещё бобок – звено на чётках – шарик, бусина, узелок. Старообрядцы и сейчас говорят: «Лестовка на столько-то бобков». Охотно верится, что кто-то из Бобковых дружил с чётками – в списках сестёр Дивеевской обители XIX века эта фамилия встречается не единожды. Гагарниковы, с большой вероятностью, люди князей Гагариных.

На следующий 1896 год, 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Господь благословил семью Бобковых первым ребёнком – дочерью. Названа она была Анной. Таинство святого крещения совершил священник Александр Назаренков. Восприемниками стали крестьяне Алексей Васильев Гагарников и Александра Тимофеева Павлунина.

По словам летописца, 1896 год запомнился тем, что на Страстной неделе выпало много снега – «навалило сугробами в два аршина вышины... 24 марта, в первый день Пасхи, мороз достиг более двадцати градусов, так что похоже было скорее на Рождество или Крещение. Санный путь стоял до 10 апреля... Лето было обильно дождями... В сентябре погода выдалась ясная и жаркая

Здесь было силёвское кладбище. 2020 г.

Место, где стояло село Силёво. 2020 г.

Силёвские холмы и овраги. 2020 г.

Запустевшие силёвские сады. 2020 г.

Кладбище в Силёве. 2020 г.

Священномученик Серафим (Чичагов) вручает «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» царю Николаю II. Мозаика Благовещенского собора Серафимо-Дивеевского монастыря. 2021 г.

(19-го было в тени 35 градусов)».⁷ Однако не только климатическими особенностями прославился 1896 год. Он был отмечен важнейшим событием: коронацией Российского императора Николая II. Взглянешь на фотографии того времени – поймешь себя на мысли: спокойные лица, естественность, незасоренный взгляд. Внутреннее достоинство людей. Чем наполнен их день? Они что, никуда не спешили? Чем жила тогда Россия?

Вот отдельные вехи времени. В 1896 году был издан труд А. П. Фёдорова «Новый принцип воздухоплавания...» о полёте в безвоздушном пространстве (по сути, о возможности полё-

⁷ Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас: тип. Доброхотина, 1911. С. 265.

та в космос). В этом же году положено начало строительства в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги. В 1896 году в России получили первые рентгеновские снимки, а в Нижнем Новгороде состоялась XVI Всероссийская промышленная выставка. К её открытию был пущен первый в России электрический трамвай, устроены фуникулёры, электрическое освещение, действовала круговая электрическая железная дорога. На выставке продемонстрировали первый в мире радиоприёмник А. Попова, первый русский серийный автомобиль Е. Яковлева и П. Фрезе... Да, всё это в один год великой державы, в один из многих. Закат XIX века. Отметим ещё одно событие. 1896 год был годом издания священником Леонидом Чичаговым «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». Преподнесение государю Николаю II этой книги послужило определяющим моментом для прославления Серафима Саровского в лике святых.

Семья, где росла Аннушка, ничем особенным не отличалась, мать – помягче, отец – построже. Кроме старшей дочери в семье Бобковых родились и выросли сыновья Гавриил, 1903 года рождения, Фёдор, 1911 года рождения, дочери Аксинья и ещё одна Анна – младшая, 1919 года рождения. Отец Аннушки Василий Тимофеевич преставился на пятом десятке лет. Тогда строили дом. Натрутился, разгорячённый напился холодной воды – воспаление лёгких. Лечить толком не умели – умер. После смерти супруга Акулина Васильевна жила с семьёй сына Фёдора, до преклонных лет помогала воспитывать внуков, а их родилось десять. Свежи воспоминания внуков, они в Акулине Васильевне души не чаяли. «Бабушка, бабушка!» – прижимались к ней малыши на тёплой печке. Как и велось в крестьянских семьях, печь была обиталищем старых и малых. Красные кирпичики, отшлифованные не одним поколением, знали все детские секреты. Свернётся в клубочек ребёнок под боком бабушки – и тают детские обиды, и сон идёт под добрую сказку. Акулина Васильевна воспитывала детей с любовью, без строгости. И она, и её родные братья Гагарниковы отличались терпеливым нравом, даже походка у них была особенная – осторожная, неторопливая. Внутренний склад не позволял им и голос повысить: всё резкое было не для них. Вот идут малыши всей ватагой с бабушкой в рощу. Жарко, а у Акулины Васильевны ноги большие, зябнут. Детям в диковину: «Бабушка, как же ногам холодно, ведь тепло?» Бабуш-

АВСТРИЙСКОЙ КНИЖИ НА					
Въѣтъ родив. числа.		Мѣсяцъ и дѣнь		Имя родившагося.	Званіе, пола, отчество и фамилія родителей, и крѣстное имя.
Мѣсяца года.	Дня года.	числа.	мѣсяца.		
34	8	7	Сентябрь	Анна	Села Сивова дровосѣкъ Максимъ Тимофеевъ бабаваки заимаша отъ сына Василия Васильева, а бабушка отъ прадеда.
32	6	6	Августъ	Сергей	Села Сивова дровосѣкъ Павелъ Тимофеевъ бабаваки заимаша отъ сына Максима Васильева, а бабушка отъ прадеда.
33	17	17	Августъ	Андрей	Села Сивова дровосѣкъ Григорій Кордунскій бабаваки заимаша отъ сына Сергея Павловича, а бабушка отъ прадеда.
30	31		Мартъ	Марианна	Села Сивова дровосѣкъ Григорій Кордунскій бабаваки заимаша отъ сына Григорія Павловича, а бабушка отъ прадеда.

Запись в метрической книге церкви Великомученика Дмитрия Солунского села Силёва о крещении дочери Василия Тимофеевича и Акилины Васильевны Бобковых Анны. 1896 г.

ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, Ю РОДИШНИХЪ.		
Званіе, пола, отчество и фамилія крестильника.	Кѣмъ совершено крещение.	Рубрикаціонное означеніе крестильника по календарю.
Села Сивова дровосѣкъ Павелъ Тимофеевъ бабаваки заимаша отъ сына Василия Васильева, а бабушка отъ прадеда.	С. Р. Павла, сынъ Павла Сивова, а бабаваки отъ сына Василия Васильева, а бабушка отъ прадеда.	17
Села Сивова дровосѣкъ Григорій Кордунскій бабаваки заимаша отъ сына Сергея Павловича, а бабушка отъ прадеда.	С. Р. Павла, сынъ Павла Сивова, а бабаваки отъ сына Василия Васильева, а бабушка отъ прадеда.	17
Села Сивова дровосѣкъ Григорій Кордунскій бабаваки заимаша отъ сына Григорія Павловича, а бабушка отъ прадеда.	С. Р. Павла, сынъ Павла Сивова, а бабаваки отъ сына Василия Васильева, а бабушка отъ прадеда.	17

ка устала, а на губах улыбка. Спокойная, приветливая, со всеми в ладу. А сколько поговорок, сказок знала Акулина Васильевна, как могла приголубить, утешить словом! И старшая дочь её Анна была легка на шутку-прибаутку. Стишки да песенки всегда с ней, такие же немудрёные, как и она сама.

Росла Аннушка, как все силёвские дети, в любви ко Господу, уважении к старшим, почтении к старине. Деды говаривали тогда так: «Вот ра-аньше и вправду жили с Богом. И спать-то ложились в рубахе, да подпоясанной. А вдруг настанет последний час? В полночь придёт Спаситель – так встать пред Ним сразу: вот я, Господи. Ну не распоясанным же!» И мало кому хотелось «распоясаться» – распуститься. Говорили ребёнку так: «Ешь больше ржаной хлеб – он силу даёт. Видишь, как просо растёт? Гнётся к земле метёлочкой, колоском вниз – Богу кланяется! Пшённую кашу надо есть».

Жизнь Силёва текла в своём русле. Налаженная, мозолистая. Вставали с солнцем. Обеспечивали себя почти всем – едой, одеждой. Роднились с соседями. Дом не запирали. Ко крыльцу иди каждый – изба не за забором, городьба-то – от скотины огород хранить. На людях и горе, и радость. Все свои, близкие. Никого не застанешь врасплох – скрывать нечего. Некуда прятаться, незачем. Каждый, как облупленный, вся жизнь на виду. Дети всегда в окружении живых «игрушек»: котят, цыплят, козлят, приучены к уходу за ними. Гонят стадо – каждый идёт встречать своих овечек. Кусочек ржаного хлеба в руках – старшие помнят его запах. А вкус топлёного в печке молока? Азбука жизни с младенчества, в семье, изнутри. Семья – защита, семья – основа. Не теория – опыт, уроки крестьянского бытия. Дети воспитаны в послушании, за младших ответ несли. Не смели обделить слабого, перечить взрослым, отзывались на дело. Ближе к земле – ближе к Богу. И с возрастом не разучались краснеть – душа боялась грехов. И жгуче было на памяти каждого поколения: хлеб, слезами присоленный, запах пороха войн, острей потерь. Ближе к скорби – ближе к Богу. Кто поспорит? Вот и вышло: местный крестьянин терпелив и вынослив, открыт и прост.

Жили небогато. Рубленные избы не скрывали скудости многодетных семей. Часто всё богатство заключал в себе красный угол – иконы да тихий огонёк лампадки. Образа родовые, благословения родительские, к ним обращались с порога. В доме

Подружки. Художник Ф. В. Сычёв. 1916 г.
Такое же босоное детство было у Аннушки Бобковой

Бобковых икон было много, особенно запомнился образ Спасителя в терновом венце. Иконы несли дух семейной церкви. Где-то неверие уже расшатывало основы, а здесь, в глубинке, без молитвы за стол не садились. Внимали родителям, боялись огорчить Господа. Веками жизнь опиралась на веру. Когда эту опору выбили из-под ног, местные сёла дополнили число мучеников и исповедников Церкви.

Жили не требовательно, просто. Исключение составляли храмы, для них силёвские старались особенно. Рядом с ними избы, тонувшие летом в зелени, а зимой в сугробах, смотрелись совсем простенькими. А церкви – напротив, казались ещё выше и краше. Они стерегли душу человека, отличались достоинством, изливали радость. Оторвут взгляд от земных забот и приподнимут выше. Трудно представить: население Силёва вполне уместилось бы сегодня в одном или двух многоквартирных домах, а в селе – две церкви. Летняя была построена в 1791 году и освящена во имя великомученика Димитрия Солунского. В советское время эта церковь входила в каталог памятников архитектуры как

Храмы в Силёве. Фото советских лет

Село Силёво. 1960-е гг.

объект культурного наследия народов Российской Федерации. Другая церковь, зимняя, была освящена в честь иконы Божией Матери «Знамение».

Сколько легенд и преданий хранит каждое село! Вот одна небывалая история, хотите верьте, хотите нет. Маленькая аккуратная зимняя церковь была построена без гвоздей. Бывшие жители Силёва утверждают, что бойкие прапрадеды её... украли. Облюбовали церковь в одном из сёл, ночью тайком разобрали, перевезли на подводах и поставили у себя в Силёве. Жители села, «проворолившие» ночью свою церковь, были прозваны «слепые», и даже село после такой кражи стало называться деревней Слепые.⁸

В храм силёвцы ходили семьями. Шли сами, малых деток несли. И в голову не приходило, чтоб не помянуть сродников в родительский день, не поговорить в пост, не почтить праздник. На Пасху во время крестного хода мужики стреляли в воздух из всех бывших в наличии ружей – централки и трофейного бельгийского. Такой салют был к восторгу мальчишек! А в Арзамасе долгое время был пасхальный «благовест с пушками» – палили из пушек, уцелевших ещё со времён существования крепости. Днём праздник продолжался. Гуляли, катали яйца. Каждый нёс крашенное луковой шелухой яйцо, что снесла своя курочка Ряба. Вот несётся оно по жёлобу, метко отскакивает, задевая соседские... Пасха! Нарядные полшалки, радостные глаза. Все в обновках, носовой платочек за рукавом. Каждая изба с пирогами. Всякая половица до блеска начищена.

Крестьянская община жила вековым сплетением, утверждала законы нравов, долга. Она повторяла уклад семейный: всяк на своём месте, каждый нужен. Небольшое Силёво вместило столько людских дарований и особенностей, что многообразно

⁸ В книге Карлушова В. А. «Пять веков дивеевской земли XVI–XX столетия. Из истории населённых пунктов Дивеевского района / Серия «Дивеевские колокола» (Н. Новгород: Штрих, 1998. С. 225–226) излагается история села, расположенного в 28 км от Дивеева: «Среди жителей дивеевской округи из поколения в поколение передаётся такая легенда о деревне Слепые. Давным-давно в поселении этом стояла деревянная церковь. В ней проходили службы, совершались крещения, венчания новобрачных, отпевания. В один прекрасный вечер жители селения, как всегда, ложились спать. Люди крестились на церковь и спокойно отходили ко сну. Утром крестьяне своей церкви не увидели. Незнаемые похитители за ночь разобрали храм, погрузили на телеги и вывезли в неизвестном направлении. С тех пор деревня стала прозываться Слепые. Проспали жители, не видели, как покинуло селение церкви. Верно это предание или нет – неизвестно. Никакими документами легенда не подтверждается. Эта история передавалась от отцов детям, видимо, не менее четырёхсот лет: по крайней мере, в 1606 году в Отдельных книгах поместий Ермоловых, владельцев селения Слепые, деревня именуется уже как Круглинская, Слепые тож». Если сведения о перевозе церкви в Силёво достоверны, этот факт мог уточнить время возникновения Силёва – до 1606 года. Сама церковь сохранилась, к сожалению, только на любительской фотографии.

этому позавидовал бы город. Был в селе муж необыкновенной силы – снимал с втулки двенадцатипудовый верхний привод конной молотилки, а потом ставил его на место. Он же скашивал за день три гектара овса. Другой имел голос громадной силы: читал Апостола в храме так, что пламя в светильниках колебалось. Третий, местный регент, владел замечательным тембром голоса. Четвёртый – мудрый староста и единственный в селе пчеловод – наделял всех детей села кусочками сотового мёда.⁹ В живых воспоминаниях – и местный плотник, и заядлый охотник, и занимательный рассказчик, и потомки поляка, взятого в полон и обрусевшего в Силёве, и внуки бывших дворовых людей. А в люльках качались детки. Одному суждено было стать инженером, другой – директором районной школы, третьей – работницей на все руки. Фамилии жителей, уличные прозвища – не найдёшь в них ни славы, ни гордости, не в чести это здесь! Скорей услышишь рассказы с подшучиванием, где промахи да изъяны, узнаешь, что был в селе и любитель петушиных боёв, и знаток карточных игр, и остряк. Поле без сорняков не бывает. Размах души широк: работать – так работать, гулять – так гулять. Но это на виду, на поверхности. А в глубину... Глубина русской души – её не увидишь сразу. Наши сёла – где Бога не забывали, где церковь имела вес. Обнаружится суть, когда надо сплотиться, выжить или, напротив, жизнь отдать, если надо, за эту землю, за вершину Ключевую, за родное Силёво – за родину. Пятьдесят восемь мужчин Силёва сложили свои головы на фронтах Великой Отечественной. Вырастало село воинов, в пехоте дошедших до Берлина, и лётчиков, а в мирное время и лучших в области комбайнёров. Говорят, подвиг – итог всей жизни. Герои – в народе, пока дух не сломлен. Погибнет народ духовно – и герои его потеряются.

Близость к Дивеевской и Саровской обителям не могла не отразиться на жизни местных сёл – обе притягивали верующих. Они были сильны традициями и известны подвижниками далеко за пределами губернии. Жителю Силёва надо было умудриться, чтобы ни разу не побывать в этих монастырях, не слиться с паломниками из разных концов Руси, желавшими поспеть к престольному празднику, поговеть, причаститься. Отец Анны, Василий Тимофеевич, работал при Дивеевской обители. С малых

⁹ Карлушов В. И. Елизарьевские страницы. – Арзамас: АГПИ, 2004. С. 135–142.

Обед крестьянской семьи. Старинный рисунок

В русской горнице начала XX в.